

Вадим Слепнев

Сельское приходское духовенство в эпоху «великих реформ» XIX века в России

Успех мирного обновления любого общества связан со способностью населения страны к изменению поведения в новых социальных условиях. В XIX в. российские государственные структуры, проводя преобразования, старались опереться на привычную религиозно-патерналистскую модель взаимоотношений с народом. Но при этом не учитывались возможности православной церкви в лице духовенства оказывать воздействие на различные слои населения страны. Хотя православному духовенству приходилось сдавать позиции вследствие того, что нарождавшееся гражданское общество требовало более гибких и многообразных форм пастырской деятельности. Для спасения авторитета церкви и веры в новых условиях нужны были новые формы «работы в массах» [1, с. 29].

В России религия не была частным делом индивидуума и не ограничивалась сакрально-эзотерической сферой: общественно-государственные и ортодоксально структурированные повседневно-бытовые основы русского православия присутствовали и в религиозной жизни. Религиозный аспект в жизни общества не только по-разному проявлялся в отдельные периоды истории, но и носил специфические, различающиеся — сельские и городские, столичные и провинциальные черты. Особенно выделялась религиозная специфика иноконфессиональных национальных окраин Российской империи. В провинции указание на конфессиональную принадлежность к Российскому православию на протяжении нескольких столетий служило эквивалентом национальной и государственной самоидентификации [2, с. 52].

Отношения с государством

Светская власть к православной церкви в России относилась «покровительственно»; российский император имел статус верховного защитника и хранителя догматов господствующей веры, блюстителя православия; закон именовал его главой церкви и признавал право императора на управление церковью. Двусмысленность этой правовой нормы была очевидна для многих и служила основой для критиков, называвших Православную церковь «казенной».

Главной чертой церковно-государственных отношений в России XIX в. был тотальный контроль государства над жизнью церкви. Ни один сколько-нибудь серьезный вопрос по управлению РПЦ не мог быть решен без одобрения императора, а на местах — без согласования с администрацией губерний и земель. Православная церковь оказывалась инструментом государственной политики, институтом, интегрированным в государственные структуры. Синод и «око государево» в нем — оберпрокурор — играли роль «передаточного звена» в исполнении высочайшей воли [3].

Религиозная жизнь уездной России, как церковная составляющая общественной, слагалась из нескольких компонентов. Среди них важнейшими были: участие местных церковных структур в гражданской жизни — их взаимодействие со светскими властями, влияние духовенства как особой социальной группы на религиозность населения. Можно утверждать, что сельское духовенство являлось системообразующим фактором уездной жизни наряду с религиозным разнообразием жизни отдельных сословно-социальных групп, прежде всего крестьянства и провинциальной интеллигенции [3].

Отношения внутри церкви

Отношения внутри церкви, а также отношения церкви с обществом и государством регулировались специальной отраслью права — церковным правом. Его составными частями были канонические и догматические установления, равно как и гражданское законодательство, касавшееся церкви.

Закон подразделял духовенство на так называемое «белое» — служащее в миру, и «черное» — монашествующее. Внутри каждой из названных групп существовала строгая иерархия. К «бело-

му» духовенству относились священники и протопресвитеры, иереи, протодьяконы, дьяконы, иподьяконы и причетники. «Черное» духовенство включало митрополитов, архиепископов, епископов, архимандритов, игуменов, смотрителей, игумений и настоятельниц женских монастырей, ризничего Московского синодального дома и рядовых монашествующих. Все высшие должности церковного управления, за исключением военного ведомства, занимали только монашествующие. Такое неравенство вызывало недовольство части «белого» духовенства, которое по численности намного превосходило «черное». Так, уездный священник И.С. Белюстин писал:

Странное явление всегда представляла и представляет иерархия русской церкви. Белое духовенство управляется монахами: что за аномалия! Монах может ли понимать условия, нужды, требования семейной жизни? Может ли сочувствовать этому почти всегда горькому положению священника?.. Монах-архиерей, почти всегда с детства вскормленный казенной картошкой, — может ли он понимать условия, нужды, требования общественной жизни? Может ли он понять, что терпит священник, поставленный в зависимость от всех, — не огражденный никакой защитой, не находящий ни в ком себе покрова и поддержки? [4, с. 69–70]

Негативное отношение к монашествующим возникало прежде всего из-за пороков, царивших в этой среде: пристрастие к деньгам и карьере, злословие и клевета, неразборчивость в средствах, подавление всякой свободной мысли и всякого дарования; отношение к простым монахам как к рабам, которыми можно помыкать, которых можно в любой момент отдать в солдаты. Давший обет безбрачия архиерей мог вместо жены содержать нескольких «племянниц»... Многие хорошо знали о «недугах» «черного» духовенства, но основательно подтверждать их неприятие решались немногие. Церковную жизнь разъедало взяточничество и вымогательство. Положение приходского духовенства было бесправным. И.С. Белюстин писал:

Ни один священник в России не имеет реальных прав. Он может быть по капризу своего епископа лишен сана и рекрутирован в армию. Можно видеть довольно часто, как епископы принуждают приходских священников к чему-то вроде принудительных работ, используя их, как каторжников на галерах, и без всякого вознаграждения, на возделывании их садов, и время здесь зависит только от их воли, т. е. от их запрещения [4, с. 120].

Замкнутость духовного сословия

К началу эпохи реформ духовное сословие, а более всего — сельское, было обособлено от других слоев общества. Если, например, дворянином можно было стать по выслуге на государственной службе или заслужив один из российских орденов, то перейти из мирян в духовенство было очень и очень сложно. Чтобы оказаться в духовном сословии, человек должен был получить согласие многих инстанций и выдержать испытание на знание порядка богослужения, совершения таинств, церковного пения, чтения молитв и т. п. Иными словами, если кандидат претендовал на место в причте, он должен был получить специальное образование. Но по закону 1808 г. в духовных учебных заведениях, помимо сыновей духовенства, свободно могли обучаться только дети дворян. Однако в дворянской среде переход в духовное сословие, а тем более — в приходское духовенство, был, мягко говоря, не популярен. В XIX в. имели место случаи пострижения дворян в монашество, но в приходское духовенство — не вступил ни один.

Социальная замкнутость влияла на стиль поведения представителей духовного сословия и характер взаимоотношений с властями и общественной социальной сферой [5, с. 8]. Сельский священник должен был соответствовать представлениям крестьян об общинных трудовых отношениях, то есть обязательно работать в поле и огороде:

Несомненно, главная причина падения статуса деревенского священника связана с хозяйственной приземленностью его существования. ...Это возбуждало в среде духовенства «подспудную ненависть» к крестьянскому труду. Хозяйственные вопросы начинали превалировать над нравственными, а житейская нужда порождала раболепство и угодничество перед богатыми. Таким образом «священник превратился в попа» [6].

Реальное положение причта зависело во многом от взаимоотношений с прихожанами, материального благосостояния последних, от симпатий и антипатий помещиков (если церковь находилась в помещичьем селении) и от других «житейских» обстоятельств. Но в абсолютном большинстве приходов приношений и платы за требы для обеспечения нужд духовенства было недостаточно. Поэтому сельское духовенство повсеместно вело такое же хозяйство, как и прихожане. О том, чтобы духовенство могло полностью прокормиться с земли, речи быть не могло.

Отсюда — бедность основной массы сельского духовенства, которая весьма угнетала представителей этого сословия. С 1842 г. правительство начало выплачивать из казны жалованье, но, во-первых, оно было невелико и даже не рассчитано на сколько-нибудь прочное обеспечение причта; а во-вторых, из-за недостатка средств эта мера распространялась лишь на половину храмов. Пожалуй, именно в экономическом положении духовного сословия особенно наглядно проявилась слабость модели государственной церкви. Для выхода из этой ситуации необходимо было осуществить материальную поддержку священника — как со стороны государства, так и со стороны земства.

Проблема материального обеспечения сельского причта давно занимала правительство, а с подготовкой акта отмены крепостного права приобрела острый характер. Дело в том, что бедность ставила духовенство в зависимое от прихожан положение, часто порождала вымогательство большей платы за требы. Все это приводило к нежелательным явлениям во взаимоотношениях с паствой, вызывало конфликты и, что самое главное, снижало авторитет церковнослужителей в народе, и тем самым степень воздействия духовенства на население страны [3].

Психологическое состояние духовенства и уклад жизни

Положение причта сказывалось и на психологическом состоянии сельского духовенства. По правам и образованности представители духовного сословия считали себя выше простолюдинов и достойными лучшей участи, нежели унизительный труд за кусок хлеба, поэтому стремились к общению с дворянами-помещиками и чиновниками. Но ни для дворян и чиновников, ни для крестьян и мещан они не были «своими». Поэтому профессиональная и социальная сферы жизни духовенства в сельском сообществе оказывались в болезненном противоречии. Особенно разжигал эти противоречия рост агрессивности сельской среды: доносительство на священников становилось своеобразной «профессией» многих крестьян.

Не следует забывать и про то, что «пастырский энтузиазм» падал по мере удаленности от культурных центров, где батюшка попадал во власть многочисленных пороков — от поклонения Бахусу до разного рода разгульных наклонностей (так называемых семинарских привычек к курению, питию, ухаживанию за

дамами). Невозможно было скрыть от односельчан и унижительных для сельских настоятелей взаимоотношений с начальством. Впрочем, и сами священники нередко вели себя деспотично по отношению к дьяконам и причетникам [8, с. 145].

На бытовом уровне существовал невероятно устойчивый обычай «передавать» старших дочерей вместе с приходом будущему молодому пастырю: он не изменился даже после выхода соответствующего церковного указа. Матушки (попадьи) нередко в большей степени, чем главы семейств, влияли на домашний уклад, придавая ему гипертрофированно послушнический характер: для многих Типикон был единственным домашним уставом [8, с. 135].

Религиозная жизнь крестьянства и отношение к ней приходского духовенства

Жизнь духовенства резко контрастировала с «народным православием» крестьян, делавших акцент на праздничной части календаря. К праздникам, однако, «отношение было особое: суеверно-языческое и прагматичное одновременно, но никак не благостное»; «вера помогала эстетизации унылой действительности» [8, с. 136]. Впрочем, во всем, что не было связано с пониманием религиозных ценностей, жизнь сельских пастырей и в еще большей степени причта мало отличалась от крестьянской.

В сельской жизни присутствовали различные типы религиозности: так называемые новообрядчество и старообрядчество. В первом случае жизнь была переполнена языческими пережитками, во втором — строилась вокруг текстов:

При характерных для новообрядцев полуязыческих установках можно было не знать ни строчки Евангелия, ссылаясь попеременно то на волю Божию, то на домового — последнего, как правило, хоть раз в жизни видел каждый. В сознании простого человека церковь и колдун — просто разные департаменты, считали знатоки народной религиозности [6].

Ни «бытовое православие» с его суевериями, ни крестьянский взгляд на религию не смущали большую часть приходского духовенства. Знаток круга крестьянского чтения во Владимирской губернии священник из Суздальского уезда А.А. Бобров считал:

...Младенчество ума крестьянина говорит о том, что человек сохраняет это младенчество для чистого восприятия истинной веры [2, с. 65].

В провинции утвердилось отношение к вере, основанное на инстинктивной религиозности и православии как системе быта. Такой подход и образ жизни соответствовали представлениям основной массы населения и воспринимались как само собой разумеющиеся. Так считал К.П. Победоносцев, утверждавший, что ценности и понятия народа цементируются бытовой религиозностью и инстинктивным христианством, которое «учит знать Бога, и любить Его, и бояться» [2, с. 65].

Однако в церкви звучало и другое мнение о просвещении народа. Так, предлагалось осуществлять переводы Библии, выпускать доступные по цене книги на русском языке для простых крестьян, вести просветительскую деятельность в приходах. Утвержденная «сверху», казенная миссия приносила мало плодов; скорее, живое слово сектантов и раскольников привлекало массы крестьян [7, с. 147–148].

В среде духовенства культивировалось представление о том, что в современных «ересях» и «сектах» нечего и разбираться, поскольку с ними в практической религиозной жизни крестьянства пастырь вряд ли столкнется. Фактически это означало лишь то, что духовенство в данном вопросе всецело полагалось на силы карательного аппарата государства.

Начальное образование на сельском приходе. Образование детей священников

В пореформенное время сферой, тесно связанной с жизнью сельского прихода, стало общее начальное образование. Однако при существовавшей колоссальной загруженности священника множеством должностных обязанностей сразу же возникла проблема кадрового «голода» на учителей. Административным ответом — попыткой разрешить проблему — стало появление в церковной школе светского учителя (без права преподавания Закона Божия) [6].

Небольшие «подвижки» в начальном образовании отражались на социальном положении сельского священства и на взаимоотношениях духовенства с крестьянским миром. Исчезала прежняя установка сельского духовенства на то, что ученость по существу ничего не дает вере.

Ушел в прошлое обычай предлагать место малограмотному сыну, сговорившись предварительно с крестьянами-прихожанами. Теперь детям во что бы ни стало давали образование [8, с. 136].

Проблемы образования были также связаны и с ограничением прав духовенства, которое выражалось в том, что дети приходского духовенства не имели права свободно избирать род службы. От рождения им была уготована одна судьба: служение на приходе. Закон обязывал отцов отдавать детей в духовные учебные заведения. Таким образом, в служении на приходе, к которому особенно необходимо призвание, зачастую оказывались люди случайные. И это соответствующим образом отражалось на качественном составе и авторитете сельского духовенства.

Место в причте, а значит, и доля причетника в доходах, зависели от того, какое образование получил кандидат. Священником, тем более протоиереем, мог стать только выпускник семинарии или академии. Результаты учебы зависели не только от способностей кандидата, но и от того, мог ли отец содержать в семинарии сына, выделяя ему деньги на питание и квартиру. При этом семьи священников чаще всего были многодетными: редко в семье насчитывалось менее четырех детей. Неудивительно, что в иные годы обучались сразу двое, а то и трое из сыновей священника, что являлось тяжким бременем для семьи. Но «кончить курс» было мечтой, управлявшей помыслами подрастающего поколения детей духовенства на протяжении всего XIX века [3].

Необходимость реформ в жизни духовенства, публикации в печати

С отменой крепостного права замкнутость духовного сословия не могла более сохраняться. В условиях, когда все население России обрело личную свободу, ограничение гражданских прав духовенства выглядело как нонсенс. Подготовка реформы 1861 г. давала реальную надежду на то, что вслед за решением крестьянского вопроса правительство и общество обратят внимание и на нужды сельских священников. Поскольку в России до 1863 г. открытое обсуждение проблем церкви ее служителями было запрещено, умонастроения и духовенства, и общества отражали зарубежные публикации.

Широкий резонанс скандального характера вызвала первая крупная публикация — «Описание сельского духовенства», вышедшая в Париже в 1858 году [9]. Как вскоре стало известно, ее автором был священник Иван Белюстин из г. Калязина Тверской области, а издана она была при содействии историка М.П. Погодина. В короткий срок книга стала известна многим, поскольку церковь в связи с предстоящей отменой крепостного права уже находилась в фокусе общественного внимания.

«Описание...» вызвало разноречивые толки и сильное беспокойство иерархии. Многие признали изложенное в ней вполне справедливым и поддержали автора; среди них были даже архиереи. Однако официальная оценка была негативной: члены Синода однозначно осудили свящ. Ивана Белюстина. Таким образом, в церкви и обществе началось «несанкционированное» обсуждение самых острых проблем, впоследствии перешедшее и на страницы церковной периодики.

Интерес к сочинению священника Ивана Белюстина не был случайным. Православная церковь занимала слишком важное место, чтобы остаться вне поля зрения различных общественных и политических сил в то время, когда решение громадного по значимости для будущего страны вопроса о крепостном праве перешло в практическую плоскость. При разноречивости суждений все, кроме революционных демократов, соглашались с тем, что православная церковь — часть общества, без которой будущее России немислимо. Общим было и видение ее проблем, но в том, как ей помочь, мнения расходились. Главенствующим было суждение, что раз православие — религия государственная, то нужна именно государственная поддержка. Чаще всего называли такую меру, как выдача жалованья от казны. Были также предложения установить небольшой обязательный налог в пользу церкви или выделить причту землю. На имя царя Александра II стали поступать проекты реформ, содержавшие широкий спектр предложений относительно изменения разных сторон церковной жизни. Понимание необходимости реформировать церковь росло и в среде высшего политического руководства, так как царь и его окружение проявляли живейшую заинтересованность в укреплении позиций православия в западных епархиях, где оно использовалось как важнейший инструмент русификации населения [3].

Проект «великих реформ»

«Отцом» церковной реформы стал министр внутренних дел П.А. Валуев. Его имя получило широкую известность, когда, потрясенный позорной капитуляцией России в Крымской войне, он написал небольшую записку «Дума русского во второй половине 1855 года» [9]. Все, кто знал П.А. Валуева, единодушно отмечали, что одной из существенных черт его личности была религиозность, усилившаяся к концу жизни. Он постоянно интересовался происходящим в церкви, был знаком и переписывался со многими иерархами. В его первоначальном варианте реформ ставились цели:

- Сблизить духовное сословие с другими частями населения, возвысить в собственных глазах его положение в составе гражданского общества, а, уменьшая его численность, вместе с тем обеспечить более щедрую рукою его материальные нужды [3];
- позволить свободный выход из сословия, открыть доступ в него другим слоям населения;
- сократить число служащего духовенства (но в законодательном порядке предоставить детям духовенства определенные льготы и привилегии);
- преобразование духовных учебных заведений для повышения уровня подготовки священнослужителей.

Предполагалось вовлечение архиереев в управление государством посредством участия нескольких членов Синода в заседаниях Государственного совета; разработкой реформы и воплощением ее в жизнь должен был заняться особый правительственный комитет, созданный на таких же основаниях, как Главный комитет по крестьянскому вопросу [3].

Начало «великих реформ»

В соответствии с указом царя от 15 июня 1861 г., при Синоде из духовных и светских лиц было создано особое Присутствие. Указ сформулировал основные шаги по осуществлению реформ: расширение средств материального обеспечения приходского духовенства, увеличение его личных гражданских прав и преимуществ, открытие детям духовенства свободного выхода из сословия, обеспечение духовенству возможности участия в

начальном народном образовании. Председателем Присутствия стал митрополит Санкт-Петербургский Исидор (Никольский) [3].

21 марта 1863 г. Присутствие утвердило программу действий, которая от первого до последнего слова была написана П.А. Валувым и в основном совпадала с изложенным выше первоначальным проектом. Самые подробные пояснения П.А. Валув дал по основному вопросу реформы — материальному обеспечению духовенства в приходах. Принципиальное отличие предложений министра от проектов его предшественников состояло в убеждении, что нет и не может быть универсального и быстрого средства решения проблемы. Отрицал он и уравнительный подход, предлагая отказаться от надежд на жалование исключительно от казны и искать необходимые средства на местах. Он призывал использовать любые возможности: денежные средства от правительства, пожертвования, наделение причта землей, бесплатный отпуск леса, передачу церкви оброчных статей — в общем, все, что хоть немного сдвинет дело с места и даст духовенству надежду на успех. Вскоре для реализации программы на местах учредили губернские Присутствия в составе первых лиц церковной и гражданской администрации.

Согласно программе, осуществление преобразований шло по нескольким направлениям. В первую очередь Присутствие, Синод и правительство занялись улучшением материального положения духовенства. Эта задача оказалась очень сложной, принятые меры так и не достигали цели, и ее решение растянулось на много лет. Инфляция и дороговизна росли быстрее, чем доходы, и в конце XIX в. большая часть духовенства оставалась столь же бедной, как и накануне реформ [3].

Важным направлением преобразований стало расширение прав духовенства, выразившееся прежде всего в ликвидации сословной замкнутости. Закон от 26 мая 1869 г. декларировал: «дети лиц православного духовенства не принадлежат лично к духовному сословию» [9]. Вместе с тем закон сохранял за священством ряд льгот, например, освобождал от податей и рекрутчины; детям разрешалось свободно избирать поле трудовой деятельности: идти по стопам отца или определиться в гражданскую или военную службу. В зависимости от положения отцов дети получали права дворян или почетных граждан. Таким образом, с полукрепостным состоянием духовенства было покончено. Вскоре дети духовенства стали широко использовать свои права; даже окончив семинарии, часто шли в гражданскую службу,

поступали в университеты. В 1875 году 46 % студентов университетов составляли именно дети духовных лиц.

Закон 26 мая 1869 г. тесно связан с дальнейшей реорганизацией церковных учебных заведений, которой занимался отдельный комитет под председательством митрополита Киевского Арсения (Москвина). В результате работы комитета появился новый вариант «Устава и штатов православных семинарий и духовных училищ» [9], он вводился с осени 1867 г. постепенно, по зонам, в течение нескольких лет.

Открытый в конце 1867 г. комитет по преобразованию духовных академий утвердил новый устав для них 30 мая 1869 г. И в этом уставе сущность изменений состояла прежде всего в том, что он предоставлял другим сословиям свободный доступ в духовные учебные заведения. Этот документ был направлен на то, чтобы положить конец изоляции духовного сословия в обществе.

Некоторые итоги реформ

Приходское сельское духовенство было самой многочисленной и наиболее общественно значимой категорией белого духовенства. Поэтому исследователи реформ второй половины XIX в. в России считали ключевыми следующие вопросы жизни сельского духовенства: может ли «массовый» православный пастырь, живущий бок о бок с крестьянами, зачастую происходящий из очень близкой социальной среды, стать субъектом общественных изменений в пореформенной России? Нужен ли был изменяющейся России православный священник как проводник и опора обновления; и каков был реальный духовно-нравственный потенциал этого сословия? [6].

Исследователи «великих реформ» подчеркивали их парадоксальность: в формировании модернизационного пространства государство отводило важную роль церкви, являвшейся «базовым элементом легитимации и сакрализации власти». Но субъекты модернизации должны обладать свойством мобильности. Вместо этого рядовой священник оказывался не только зажатым в тисках духовной и светской власти, но также экономически и психологически зависимым от сельского сообщества [6]. Поэтому деятельность священников пореформенного времени не принесла ожидаемого вклада в реформирование российского общества.

Литература

1. Леонтьева Т.Г. Вера и бунт: духовенство в революционном обществе России в начале XX века // Вопросы истории. 2001. № 1. С. 29–43.
2. Иванов Ю.А. «Уездная идеология»: Религиозно-политическая жизнь российской провинции 1860–1910-х гг. Иваново, 2001.
3. Великие реформы 1860–1870-х годов в России. Режим доступа: <http://www.bolshe.ru/unit/75/books/2264/s/1-6> (дата обращения 15.03.2005).
4. Белюстин И.С. Заметки. Из истории провинциального духовенства. М.; Тверь, 2001.
5. Леонтьева Т.Г. [Вступительная статья] // Белюстин И.С. Заметки: Из жизни провинциального духовенства. М.; Тверь, 2001.
6. Жеребятьев М. [Рецензия] // портал Credo.Ru. 2004. 2 июля. Режим доступа: http://portal-credo.ru/site/?act=tv_review&id=92 (дата обращения 10.09.2010). Рец. на кн.: Леонтьева Т.Г. Вера и прогресс: православное сельское духовенство дореволюционной России во второй половине XIX — начале XX вв. М., 2002.
7. Белюстин И.С. Русь православная // Континент. 1992. № 74. С. 141–158.
8. Леонтьева Т.Г. Вера и прогресс: православное сельское духовенство дореволюционной России во второй половине XIX — начале XX вв. М., 2002.
9. Церковная реформа. Режим доступа: <http://history.rin.ru/cgi-bin/history.pl?num=4341>.